

Ирина УЗДЕНОВА
СТИХИ

Ирина
Узденова

СОЛОВЬИНОЕ
СЕРДЦЕ

СТИХИ

Ассоциация
писателей
Кавказских
Минеральных
Вод

Северо-
Кавказское
издательство
«МИЛ»

ПЯТИГОРСК
2002

ЮЖНАЯ

ЗВЕЗДА

Ирина
Узденова

СОЛОВЬИНОЕ
СЕРДЦЕ

ИЗ ЦИКЛА
«НОВАЯ ТВЕРДЫНЯ»

РОНДО

Летите стрелы! Мчитесь с циферблата,
Несите прочь минутные утраты;
Песок ссыпайте в бездну оголтело,
Пока река времен не обмелела
По кругу от рассвета до заката
Летите, стрелы!

Под грохот полуночной канонады
Чеканят шаг незримые парады;
Пытаясь оглянуться то и дело
За ними век плетётся оробело —
Лентяя вам поторопить бы надо:
Летите, стрелы!

Зловещим боем, стрёкотом цикады
Пугать непосвящённых вечно рады;
О, если б ваша песнь мне надоела,
Пронзили б сердце просто и умело —
А нынче ждите, кликну я когда-то:
Летите, стрелы!

РОНДЕЛЬ

Ах, жаль мне, что разочарован ты
И каяться так горько довелось,
Что серое тряпье твоей мечты
Принцессе Грёзе в пору не пришлось.

Проклятья шлют тому, что не сбылось
Бескрылые чураясь высоты
Но жаль мне, что разочарован ты.

Всему внимают, что бы ни шло
Невольники молвы и суеты
Покорствуют, чтоб длительней жилось
А плетка метит рабские черты
И жаль мне, что разочарован ты.

СОНЕТ

Тот путь, что пройден, проследить
Расчётливым холодным взглядом,
Насмешки и цинизма ядом
В мечтанья прежние цедить.

Душе бесхитростной вредить
Грехов застиранным нарядом,
Терпеть лжецов с собою рядом
И юных опытно судить.

Сменить наивность грёзы милой
На голос скептика унылый,
Надежды ранние кляня,

Губя романтика бывшего –
Нет, от взросления такого
Избави, Господи, меня.

ИЗ ЦИКЛА
«МУЗЕЙ»

СУРОК

Сурок – герой картины главный,
Я сам на этом настоял
Он заслужил, зверёк мой славный,
А я – обычный савояр.

По свету белому с шарманкой
Который год скитаюсь я
Сурок – для публики приманка –
Стар, как и песенка моя.

Попутчик вечно непробудный,
Он скрашивает серость дней
И скрип механики занудный
Забавной мордочкой своей;

И дарит песню за пятак
А тем, кто беден – просто так.

(по картине Ватто «Сурок»)

ЛЮТИНИСТКА

Образ скромный, лик келейный —
Всё неброские тона;
К песне ангелов елейной
Лютня старая дана.

Кому злато да палаты,
Кому титул да земля,
А ты музыкой богата,
Песни — вся твоя родня.

В них и дивное веселье,
В них и храмы, и дворцы,
В них и сказочное зелье,
И бесценные ларцы.

Дивной песни дар чудесный,
И за то в любой дали
Щедр к тебе и царь небесный,
И земные короли.

(по картине Юдит Лейстер)

**ИЗ ЦИКЛА «МОЁ СОБРАНИЕ
НАСЕКОМЫХ»**
(Этиграммы)

КЛОП

Лев умер от укуса комара!* -
Да, тварь ничтожная царя убила.
Презренный гнус, дрянная мошкара
Великим не однажды кровьравила.

Но ты и не комар, ты – клоп простой
Лиши потому пока ещё прыгучий,
Что хоть зловолен ты, когда живой,
Раздавленный ты более воючий.

** Сказано о смерти Ричарда Львиное Сердце*

ИЗ ЦИКЛА «ДОЛИНА ЦАРИЦ»

КЛЕОПАТРА

Самой не одолеть мне этой муки,
Но как уйти, когда царица я...
Враги всего лишь жалкие гадюки,
А мне нужна священная змея.

Её укус я вынесу спокойно:
Антоний мой, тебе не долго ждать –
Готова я. Любовь славней, чем войны,
И для неё мне легче умирать.

Ко мне, мои последние подруги,
Богам я не доверю свой уход.
Довольно слушать, как рыдают слуги,
Я тороплюсь на солнечный восход.

Я жду, спеши наполнить жилы ядом,
Иного мне не надобно питья,
Пора уже отведать винных ягод –
Зову тебя, священная змея.

Мне ничего не жаль, люблю свой
жребий,
С уреуса наследного скользя
Приди, освободи меня скорее...
Благодарю, священная змея.

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА
СИСТЕМА КАРАЧАЕВСКОГО
ГОРОДСКОГО ОКРУГА
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА

БАЛЛАДА

Старый замок давно
заманил меня в плен
Он расставил мне сеть
вековых паутин
Расстелил предо мной
золотой гобелен
На забытый манер
вдохновенных картин
Чтоб мечте пробуждённой
не страшен был тлен.

Старый замок не звал
ни жильцов, ни гостей
А меня угощал
королевским вином
Он от мира не ждал
ни гонцов, ни вестей
Он меня привечал
сладким сном о былом
Редкой птицы приют
меж затерянных скал

И канцоны напев
под окном ворожил
Где остались навек
трубадуров сердца
Волны бились о брег

и донжон сторожил
Сокровенные тайны
седого дворца
И невидимый бал
до рассвета кружил

С той поры я живу
ни сейчас, ни теперь
В замке вечной зари
из небес и огня
Я уже не уйду
хоть не заперта дверь
Заповедный мотив
от забвенья храня
Не пытайтесь вернуть
не зовите меня.

Будут свечи пылать,
будут струны дрожать
И заблещет как встарь
нерушимая сталь
От герольдовых труб
будет время бежать
Обреченным на казнь
в невозвратную даль
И карета эпох
вдруг попятится вспять.

БРАВЫЙ ЦВЕТОК

Цветок прекрасный, с юных лет своих
Узнал ты, как собратьев убивали,
Как рвали для забавы их на миг
И сапогами грязными сминали.

Ты скрыл от мира хрупкость лепестков,
Ты сердце нежное сковал бронёю,
И поборов удары всех ветров
Теперь ты воин, отважный воин.

Пускай твои соперники пищат –
Какая в том, скажи, тебе забота,
Что поскупившись на шипы и яд
Тебя совсем не берегла природа.

Былые слёзы выдай за росу,
Былые шрамы зарубцуй пыльюю
И разломав смертельную косу
Опять воскресни с новою зарёю.

Будь смел и горд с достоинством цветка,
Непобедимым будь – так, видно, надо,
Чтоб мощной силой стала на века
Твоя бравада, твоя бравада.

МАСКАРАД

Кто не нашел удачи и наград,
Кто изнемог от жизненных утрат,
Кто ото всех бежать сегодня рад,
Тот поспеши на маскарад.
Там спрячешь серость, скроешь пустоту,
И грех, и раны свежей наготу;
Под маской будешь ты совсем другим —
Ты станешь весел и любим.

Ах, Маскарад! Ах, Маскарад!
Когда-то был счастлив и млад
Наивный маг, чудес для всех хотел —
Как ты печально повзрослел,
Как ты печально повзрослел.

Поставь пришельцев новых в стройный
ряд,
Взгляни, какой изысканный парад,
Им просто скучен будничныи наряд,
Затем и нужен маскарад.
А ты дарил им новое лицо,
Ты был для них ещё одним творцом,
Но фальшь сжимала адское кольцо —
Теперь ты ширма для лжецов.

Ах, Маскарад! Ах, Маскарад!
Когда-то был всем маскам рад,

Наивный маг, ты счастья всем хотел,
Как ты печально повзрослел,
Как ты печально повзрослел.

Повеса жаждет вновь пустых затей,
И под плащом клинок таит злодей –
Ну разве для того ты их собрал
На этот полуночный бал?..
Погасли звёзды на плаще твоём,
Но вечер будет, и с тобой вдвоём
Мы старый дом наполним волшебством,
Мы чудо прежнее найдем.

Ах, Маскарад! Ах, Маскарад!
Ты будешь снова маскарад.
Великий маг, нам незачем взростеть,
Мы не успели постареть,
Мы не успели умереть.

«ПОЭТ – РОДИНЕ»

посвящается С. Есенину.

I

Отчий край снова зимы баюкают,
А на сердце легко и светло,
Словно землю весеннею вьюгою
Цветом яблоневым замело
Целовал он тебя жарче солнышка
Так любил он раздолье твоё,
А как пел златокудрый соловушка,
Так тебе уж никто не споёт

Припев:

Одеялом из облака снежного
Обогрей его сердце скорей
Несказанного, синего, нежного
Не жалея для него, не жалея.

II

Сторона ль ты моя незабвенная,
Как твоей мне дозваться весны –
Ведь не греют лучи чужеземные
Сердца певчего снежной страны.
Лились строки рябиновой кровушкой
В час, когда к незакатной звезде
Улетал златокудрый соловушка,
Сердце в песнях оставив тебе.

Припев:

Ш

Прозвучит ещё песня весёлая
На полянах родных и лугах,
Засинеют слова васильковые
И в земных и в небесных снегах:
Отцвела золотая головушка,
Только в каждой певучей судьбе
Прозвенел сладкогласый соловушка
О тебе снова, Русь, о тебе.

Припев:

БАРД

I
Когда оборвутся струны
И гитара моя замолчит
Вместо струн натяну я
Солнечные лучи –
Послушай, как солнце звучит.

II
Когда оборвутся струны
И арфа моя замолчит
Вместо струн натяну я
Лесные ручьи –
Услышь, как вода журчит.

III
Когда оборвутся струны
И лира моя замолчит
Ветра стон вместо струн натяну я
В нём чайка рыдает в ночи –
Послушай, как птица кричит.

IV
Когда оборвётся песня
И сердце моё замолчит
Подхватит её хор созвездий
В нём сердце небес стучит –
Послушай, как небо звучит.

СТАРАЯ СКАЗКА

*...он писал об истине, добре и красоте,
а люди понимали во всём этом
столько же, сколько коровы в розах.
(Ханс Кристиан Андерсен «Тень»)*

Как ночь за днем, как тьма за светом
вечно ходит следом,
Так за великим тень его ползёт;
Как вор крадётся по пятам,
трусливо жмётся к стенам,
И паутину серую плетет.

Полпорции съедает тень
за праздничным обедом,
Торопится успехи разделять.
Но дни благие отойдут,
черед наступит бедам,
И тень сумеет вовремя слинять.

Запрёт великого судьба
в подвал сырой и тёмный –
Он там, увы, останется один:
Где тёплого местечка нет,
там тени нет проворной,
Бедняк недужный ей не господин.

Года проходят чередой:
Хозяин от забот седой,
А тень, смотри-ка,
тень осталась молодой.

Подарит светлый гений миру
слово золотое,
Да не оценит мир и не поймёт;
Но эхом вкрадчивая тень
точь-в-точь за ним повторит,
И труд его, и лавры украдет.

Он был с ней добр, он был с ней щедр,
он верил словно брату,
Забыв, кем Авель кроткий был убит.
Укажет он на место ей,
но подлая собака
Хозяина не помнит и не чтит.

Так тень, угодливый лакей,
в любые двери вхожий,
Осмелился создателя губить
Великий ей как в горле кость,
и лезет тень из кожи,
Чтоб голову учёную добыть.

И все помогут в этом ей,
Ведь бездарь серая милей,
Чем солнце разума – кормилец
всех теней.

Но солнцу дела нет,
когда и кто его погубит:
Оно всё ярче светит, всё сильней;
Даря тепло, спасая свет,
оно и смерть пригубит
От порождённых некогда теней.

СОЗДАТЕЛЬ КУКОЛ

Мой кукольный театр наполнен
счастьем,
Шумит в нем праздник, иль царит покой;
Я хрупкий мир скрываю от ненастья
Заботливой и щедрою рукой.

Не знают ни обид, ни унижений
Актёры и создания мои,
Не ведают ни бед, ни поражений
Рожденные во благе и любви.
Им не приелась бережная нежность
И ящик – их надёжный тёплый дом;
Им не нужна вселенская безбрежность
И не страшны ни ураган, ни гром.

Насмешникам наивным не тревожны
В рассказах хлопотливого отца
Печаль, прокраившаяся осторожно,
И горьковатый вкус судьбы творца.

САДОВНИК

Как розы мне от розги уберечь:
Велик мой сад, и не объять вниманьем
В нём каждый лепесток, хоть со
стараньем
И день и ночь готов я их стеречь.

Смирить пытаюсь смертоносный смерч
И не отдать цветы на растерзанье,
Но каждый день отмечен опозданьем,
И мне не снять вины с усталых плеч.
Опять косою срезаны бутоны,
И в их последнем вздохе снова стонет
Нимфея белая – душа моя;

Растенья в адском пламени заката
Пред увяданьем ужасом объаты,
Но свято в их спасенье верю я.

ТЕРЦИНА

*Когда – то бывали фениксы здесь
Теперь терраса пуста.
(Ли Бо)*

Когда полна была терраса
Редчайших и бессмертных птиц –
Певуний радостных Парнаса,

Олимпа избранных жилиц,
И реки дивных песнопений
Лились из царственных цевниц,

И эхом высших вдохновений
Мир вызволяли из ночей
Уроки вещей откровений

Как сноп спасительных лучей,
Всё зачарованно внимало
Потокам сладостных речей,

Покуда смерть не замыкала
Медоточивые уста,
А после вовсе забывало...

И уносила суета,
И ложь, и зависть крали сказку,
И вот терраса уж пуста;

И чёрной клевете в острастку
Из мира скрылось волшебство –
Нет боле фениксов прекрасных,

Исчезло, смолкло торжество
Сердец святых, душ благородных,
И кружит серое родство

Ворон, до падали голодных:
Их песни мраку по нутру,
А та терраса всё свободна,

Ждёт возвращенья поутру
Певцов любимых и нетленных,
Чтоб лир божественных игру

Вернуть из пепельного плена.

ЦВЕТА
(беник сонетов)

I БЕЛЫЙ

Мне скучно было б жить без вас, цвета!
Мой белый, я люблю тебя как брата;
Всё, чем Земля горда и небогата,
В тебе сокрыто – свет и чистота.

Небес, вершины снежной высота, -
Всё лебединой нежностью объято, -
И лунное свечение карата,
И облачно – крылатая мечта.

Всё ты – и пеннотканная волна,
И лотоса святая белизна,
И глыбы льдин пугающе – бесстрастных,

Сияющей надежды корабли...
Что без тебя все прелести Земли,
Как без цветов душистых и прекрасных.

II ЖЁЛТЫЙ

Как без цветов душистых и прекрасных,
Без цвета варварского божества
Природа не жива и не мертва
В минуты ярости небес всевластных.

Не золотят лучи полей несчастных,
Не всходит медоносная трава,
Не зреет злак, и тучи торжества
Не утаят в гримасах безобразных.

В морской смоле как в зеркале видны
Паломники пустыющей страны:
Их, живописцев истины безгласных,

Манит магнит песчаной глубины –
Без охристой живящей желтизны
Поникла б кисть в усилиях напрасных.

III ОРАНЖЕВЫЙ

Поникла б кисть в усилиях напрасных,
И ускользнул бы призрачный пейзаж,
И вновь исчез заветный флёрдоранж
С фаты фата-морганы снов неясных.
Ведь много среди грёз дорог опасных,
И крут реки Оранжевой вираж,
Но вновь злечёт сапфировый витраж
Обилием видений неотвязных.

И юный фантазёр пока не знает,
Что жизнь сама нектаром их питает,
Волшебна, вожделенна и густа;

Что в царстве апельсиновом сияет,
На каждой ветке солнцем расцветает
Над ширью невоскресшего холста.

IV РОЗОВЫЙ

Над ширью невоскресшего холста
В закатной дымке невозвратно тая
Озёрных чаек розовеет стая:
Не избежит бесцветья пустота

Шипов благоуханного куста,
Не соловей – скворец степной, летая,
Скликает ветры там, простор листая,
И песнь его прекрасна и проста

Как знойный аромат – Дамаска роза,
Как стан фламинго – линия вопроса.
Вновь бредит без палитры немота

Цветком ветров и розою романской...
В войне гербов играет новой краской
Платков цыганских, радуг пестрота.

VI СИРЕНЕВЫЙ

Павлиньих перьев, крылышек атласных —
Тёмно — сиреневых сатурний глаз —
Узоры шёлка разглядел топаз
Очей и днём и ночью неугасных.

Портной одежд цветистых и цветастых
Весну в них нарядил в который раз:
«Мадемуазель Сирень, мы ждём лишь Вас», —
твердит прелестным голосом всечасно.

Мадемуазель Сирень, вся власть лишь Вам,
Вся мощь апрельским краскам и духам,
Весь хмель договорённостей негласных,

Что б всё, что не желанно никогда —
Печаль, воспоминания и года —
Всё потонуло б в сумерках ненастных.

VII ЗЕЛЁНЫЙ

Всё потонуло б в сумерках ненастных,
Но луч зелёный – светоч вечеров –
Сорвал с природы гробовой покров,
И ночь бежала прочь в лохмотьях
грязных,

Забрав и боль и беды – слуг
злосчастных...

И жизнь воскресла в зелени садов,
В тиши пруда и шелесте дубров,
В оазисах ликующих и праздных.

Неувядающею терпкой хвоей
Как силою своей вечноживою
Искрились жизни сок и полнота;

Зелёный мыс – души святая воля,
Где безвозвратно отмирает горе
Пожухлостью осеннего листа.

IX ГОЛУБОЙ

Одна лишь красота могла б сразиться
За дух святой – господню голубицу,
За неба непорочный лазурит,
Что звёздами в полночи горит,

Что соком голубиковым в криницу
Льёт млеко и благие сны поит,
И чутким по секрету говорит,
Что снобов кровь – протухшая водица.

И только в Ниле голубом всегда
Свежа, светла священная вода,
Что, первым исполинам дав напиться,

В уреусах застыла бирюзой
И вечно спорит властностью былой
С невзрачностью, проникшей в кровь и
лица.

Х СИНИЙ

С невзрачностью, проникшей в кровь и
лица,
На синем море синие киты
С рассвета и до полной темноты
До смерти иль победы будут биться.

Кто не расслышит флейты синей птицы,
Тот унесёт усталые мечты
В сад синих роз – тенета немоты,
В забвенье там надежда превратится:

Не воскресит её ни власть, ни сила –
Никто, и только синие чернила,
Что в рукописях светлого творца

Живой водою всё спасают снова,
Противопоставляя мудрых слово
Калечащей и думы, и сердца.

ХІ ФИОЛЕТОВЫЙ

Калечащей и думы, и сердца
Бездушности нет цвета и прощенья,
Глаза фиалок жаждут лишь отмщенья –
И палачам не избежать конца.

Не прячь от горя бледного лица:
Вот щит лиловый, он – твоё крещенье,
Коснись его – изведай посвященье,
И боль и свет тернового венца.

Велюр ночных небес лилов и мглист,
Слезую блещет лунный аметист,
И каждая слезинка звёзд лучится –

Печаль небес рыдает столько лет,
Что б мог горячий ультрафиолет
Бесцветье озарить пером жар – птицы.

XII КОРИЧНЕВЫЙ

Бесцветье озарить пером жар – птицы,
Что яблоки коричные клюёт,
И на ветвях коричника поёт
В садах, где запах кофе и корицы

Легко, когда всё это вам приснится,
И коркой шоколадной обрастёт
Старинной книжной кожи переплёт,
И под рукою вдруг вздохнут страницы.

А вы попробуйте-ка наяву
В унылую осеннюю листву
Бесцветью мглы суметь не покориться;

Сберечь душою карий взгляд икон,
Презреть соблазнов полный Вавилон,
И цвет спасти от службы и бесстыдства.

ХІІІ СЕРЫЙ

И цвет спасти от службы и бесстыдства,
И мир – от серых крыс – так нелегко,
Как невозможно болтуну жако
Вдруг песней соловьиною залиться.

День пылью придорожной серебрится,
А ночь скрывает кошек и волков,
И силуэты серых облаков, -
Всю серость мира; и ползут мокрицы

Уныло по асфальту и бетону,
По мостовой, сливаясь с общим тоном –
Их шествие губительней свинца.

И в душах та же серость, и в деяньях,
Их слепит луч в спектральном одеянии,
Взойдя на трон нетленного дворца.

XIV ЧЁРНЫЙ

Взойдя на трон нетленного дворца,
Луч бился с темнотой последней ночи,
И всех пантер опаловые очи
Следили за движеньями борца –
Бой чернокнижницы и чернеца,
Лишь в меццо-тинто отражённый точно,
И черноты утраченная прочность
Под натиском острейшего зубца.

Землёю, углем и смолой тягучей
Был голод цветовой чернее тучи
В ночь самого тяжёлого поста:

Так аллилуйя вновь триумфу цвета
В признаньи знойном в вечном царстве
лета –
Мне скучно было б жить без вас, цвета!

XV КАЛЕЙДОСКОП

Мне скучно было б жить без вас, цвета!
Как без цветов душистых и прекрасных,
Поникла б кисть в усилиях напрасных
Над ширью невоскресшего холста.

Платков цыганских, радуг пестрота,
Павлиньих перьев, крылышек атласных –
Всё потонуло б в сумерках ненастных
Пожухлостью осеннего листа.

Одна лишь красота могла б сразиться
С невзрачностью, проникшей в кровь и лица,
Калечащей и думы, и сердца:

Бесцветье озарить пером жар – птицы
И цвет спасти от службы у бесстыдства,
Взойдя на трон нетленного дворца.

ГУЛЛИВЕР И ЛИЛИПУТЫ

Гулливвер: Я выше всех, уж вы меня
простите,
Я вас ничем унизить не хотел.
Но королём не буду, не просите...

Лилипуты: А хоть бы и на трон, да
только б сел.
(в сторону) И сколько росту в нём –
поди исчисли,
Теперь вот руки – ноги береги;
Но что страшней всего, так это мысли –
Уж больно высоки и велики.

Гулливвер: Пусть не пугает вас душа
титана:

Она огромна, потому что я
Люблю весь мир, не видя в нём изъяна,
И вас – моя прекрасная семья!

Лилипуты: Тебя, родной как раз нам
не хватало
Для одоления множества врагов,
(в сторону) А если б храброго в бою
не стало,
Здесь всяк его оплакивать готов.
Глупец-то благороден – вот и славно,
Сыграем-ка на жалости его:

Мол, все нас обижают – малых, слабых,
Защиты, дескать, нет ни от кого.

Гулливвер: Как странно, вроде
безобидны крохи,
(в сторону) И вид их мне, и голос –
сердцу мил;
А временами чудится, что – блохи,
И кровь мою уже сосут из жил...

УТ – РЁСТ

Воздушных линий перекрёсток
В осеннем сумраке небес,
Кружат три ворона Ут-Рёста, –
В их хриплых криках счастья весть.

Теперь не душит притяженье:
Земля не в силах удержать
Души всевластное веленье, –
Давным-давно пора взлетать.

И море воздуха и света
Уже заждалось в вышине,
И остров солнечный тот где-то
За горизонтом, и волне
Челнок доверится свободно,
И ветер сам домчит туда,
Где ждут героев благородных
С любовью, радостью всегда.

ДОН КИХОТ ВЕКА СПУСТЯ

Страшился пуще казни мерзких козней я,
Стыдился хлеще плети грязных сплетен я –
Скрывал от всех чужой смертный грех,
Жалея слух и неба и людей;

Я верил, что к алмазу не пристанет
грязь,

Я шпагою карал зарвавшуюся мразь,
Хоть знал, что клеветник на свете гаже
всех,

Хоть не спешил к барьеру лиходея

Пройду по жизни в солнечной короне –
Сощурятся и ворог, и друзья,
Но, если щит мой слабых не заслонит,
Зачем, мой бог, скажи, родился я.

Я не желал в своё жильё впускать жульё,
Я гнал с порога и ворьё, и вороньё;
Устав, бросал доспехи на чердак,
И друг трусливо мне шептал: «Держись».
С Мамоной на монеты сердце не менял,
С Фортуной – девкою в рулетку не
играл,

И жил, как мог, на ломаный пятак –
Визжали моськи: «Разве ж это жизнь?!»

Пройду по жизни в солнечной короне —
Сощурятся и враг, и друзья,
Но, если щит мой слабых не заслонит,
Зачем, скажи мой бог, родился я;
Зачем, тогда скажи, родился я?..

ХЛЕБНЫЙ КОЛОС

Я спою тебе как птицы,
которым ты даришь силы
петь и летать;
Я спою тебе как ребёнок
на своём дивном языке
с самой чистой улыбкой на устах;
Я спою тебе, как поёт тёплый дождь,
напоив тебя слезами радости;
Я спою тебе, как поёт солнце,
разбудив тебя на заре нежными лучами
и убаюкав колыбелью заката;
Я спою тебе, как поют звёзды в ночи,
считая твоё поле лучшим из морей;
Я спою как старец поёт о тебе
в благодарственной молитве
за лучшее, что есть на Земле;
Я спою тебе как ветер,
ласково качая на летних
волнах сумерек:
Мы любим тебя, Хлеб,
Мы поём тебя, хотя
ты сам – Песня!

НОЧЬ

*Как мачеха, ночь
с кинжалом в руке,
с глазами совы ...*

(Пабло Неруда)

Ночь – жалкая глупая мачеха,
Бойся собственной слепоты:
Страх – это мяч для пинг-понга,
и он вернется к тебе ...
Ночь старая прачка,
стирающая лохмотья былого
в мутной воде воспоминаний,
пропахшая табаком и бессонницей.
Для кого ты хранишь черноту своих
улиц,
утыканных гвоздями огней
или вовсе незрячих,
свои пустынные парки и площади?
По ним могли бы бродить
одинокие мечтатели и
влюбленные пары,
Но ты предпочла зловонные своры,
И светлячки больше не посещают тебя,
пряча сокровенные тайны пугливых
сердец
В надежных пристанищах ...
За кем ты следишь хищным взглядом,

исполненным злобной зависти,
Кого преследуешь тщетно
с кинжалом в бессильных руках?
Меня? – Но ведь я – день, надевший
траурное
платье в знак скорби по усопшему
солнцу;

Утром, когда оно воскреснет,
я сменю печальный покров
на сияющую тунику,
а ты сгинешь в лучах рассвета
как мерзкий вампир, не успевший
спрятаться в свое подземелье.
И мир, избавленный от тебя,
воскликнет:

«Да здравствует День!»

ПОРТРЕТ ДОКТОРА ГАШЕ

*Пусть меня простит Винсент Ван Гог
За то, что я по мочу ему не мог...*

(А. Тарковский)

«Когда приходит в этот мир великий,
Благословенный, как никто другой,
Казалось бы, сдувай с него пылинки
И на руках носи, весь род людской;

Ты ешь плоды его святого сердца,
Он не скупится, – так и ты цени,
Тебе всю жизнь под этим солнцем
греться,
Так не губи мечты его и дни...

Но мир не платит за добро любовью,
Ему не нужно гениев живых;
Как прежде тело запивает кровью
И продает спасителей своих.

Художник нищий никому не дорог –
Ни церкви, ни искусству, ни врачам;
Как страшен путь его и как не долог,
Как немощен я сам, его леча...»

Так размышлял Гаши, скорбя глубоко,
Заране зная, что спасенья нет,

Покуда кисть великого Ван Гога
Увековечивала сей портрет.

ИЗ ЦИКЛА «ЛЬВИНЫЕ ПЕСНИ»

Это поняла, лишь увидела моего святого Льва!
(В.Я. Брюсов)

ЛЬВИНЫЙ ГОРОД

Посвящается Санкт-Петербургу.

Святым не зря был назван ты,
Ведь в самую лихую пору
Тверды святые и чисты,
Несокрушимый львиный город

Твой свет – их очи из огня,
Уборы – гривы их седые;
Моя прекрасная родня,
Я жму им лапы золотые

За то, что горды и важны,
За то, что статны и свободны,
За то, что, как и встарь, нужны
Своею силой благородной.

Мощью и волей Петра,
Силой крылатого льва
Вечно будь полон, город святой!
Дни твои будут светлы,
Если уж ночи белы,
Сотканный солнцем трон золотой!

ЛЕВ И МОРЕ

Нитью горизонта сшиты обе синевы
В полотно, душе моей любезное,
Там, где занимают звездный и морские
львы
Океана гладь и ширь небесную;

Там, где пена облачная с гривой волны
Белизной сплетается ажурною,
И в ночи как яхонты сверкают валуны,
Сторожащие страну лазурную.

А пустыня душная – мой бесконечный
пляж,
Поступью осилишь только царскою,
Ну а море южное – несбыточный мираж –
Путника манит обманной ласкою;

Только те, кто зря играли с золотым
огнем,
Сердцем льва и лапою повержены, –
Вот и ты смирился, непокорный водоем,
Не сумев перечить неизбежному;

Бьешься из последних сил под бархатной
стопой
И шипишь в тоске на победителя,

Только я ведь шел сюда не для войны с
тобой,
А за синевою удивительной.

Нет царю пустыни непокорной высоты,
Так потешусь я забавой львиною —
Доплыву стремглав до той неведомой
черты
И зажгусь звездю триединою.

ЗИМА

Как льдистым хрусталем заковано окно
Дыханьем снежной королевы,
И целые моря взяло в полон одно
Касание декабрьской девы.

И пудра на ветвях алмазною пылью
Искрится, ночью в синей дымке,
И зеркала замерзших звезд достать
рукой –
Небес кристальные кувшинки.

Застыли станы прежде пламенных
свечей.
И хладны слезы восковые,
А с крыши свисают гроздь северных
лучей,
Каймы сплетая кружевные.

И убран белыми бутонами дворец
Царицы бури и метели,
И пламенем чистойшей белизны сердец
Горят рождественские ели.

Все захлебнулось вьюгой где-то позади –
И очертания, и речи;
Зима, серебряною птицею шепча:
«Входи...»,
Зовет тебя в свой лучший вечер.

ВАЛЬС

Темнеют праздничные залы,
Гася огни последних свеч,
А взгляду блеск бывшего бала
Еще так хочется беречь;

Альты прощаются устало
И не сулят уж новых встреч,
А сердце шум бывшего бала
Еще пытается беречь:

По шахматной доске паркета
В клетках белых, клетках черных
Летят как прежде силуэты
Вихрем вальсов непокорных,

По острым граням тьмы и света
Клеток черных, клеток белых
Несут к заветным снам кареты
Вихрем вальсов незабвенных...

ВОСКРЕСЕНИЕ

Сердца как окна распахнутся
Навстречу свежести и свету,
И сказки прежние вернуться,
Казалось, канувшие в лету;

И льдины старые качнутся,
Прольются паводком весенним,
От зимних снов мечты очнутся
В души святое воскресенье.

ПЕРЕВОДЫ

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

ШЕКСПИР

СОНЕТ LXXVII

Глядят с зеркал увядшие красоты,
И сыпет время золотым песком,
Чекань пустым листам ума щедроты —
Тебя по книгам выучат потом.

Как четко отражаются морщины,
И памятью рассечены уста,
И, циферблата тайные личины,
Воруют время вечности врата.

Смотри же, как безудержность бывшего
Закрашивает пустошь дневников,
Вскормленных млеком мысли детищ

Слова

Высвобождая из твоих оков.

Когда-нибудь забытые труды
Еще позолотят твои плоды.

БАЙРОН

ДУША ЧЕРНА

Душа черна – немедля струн! –
Тебе, Орфей, мой внемлет дух;
Пусть нежный вихорь древних рун
Усладой грез наполнит слух.
Коль в сердце жив надежды свет,
Сей дивный звон его взбодрит;
Коль есть в очах рыданий след,
Палящий мозг он остудит.

Велю – пребудь глубок и дик,
Не смей пророчить счастья путь;
Молю – усей слезами лик,
Иль бремя дум раздавит грудь.
Для той, что мукой вспоена
В безмолвном бденье долгих лет,
Рок пробил все узнать сполна
И сгинуть вмиг за песнью вслед.

ИЗ ДНЕВНИКА В КЕФАЛОНИИ

И мертвые не дремлют – мне ли спать?

Царьки тиранят мир – мне ль спину
гнуть?

Плевл наготове – и серпу ли ждать?

Нет, я не сплю: – на тёрне не уснуть;

Мне раструбом горланит всякий день,

И в сердце та же песнь – ...

«МЕЧТЫ РАЗБИЛИСЬ...»

Мечты разбились – слышишь звон?
Так жизнь – лишь судороги озноба:
Мы – в смех дурной, хоть впору – в стон,
В бред – лучший проводник до гроба.
И даже в просветленья миг
Всё ноем, сетуем, канючим;
А жизнь – ведь это только Крик
Святого, что за нас замучен.

ПАМЯТЬ

Сбылось! – что грезилось в мечтах,

Но нет надежд в грядущих днях:

Был так ничтожен счастья срок,

Овеян хладом вечных бед

Был так угрюм судьбы рассвет...

Прощайте ж, Радость и Восторг!

А к вам, и Память – за порог!

СОНЕТ ШИЛЬОНУ

Извечный Светоч Мысли гордеца,
Свобода! И в тюрьме блистаешь ты,
Избрав своим вместилищем черты
Тех, чьи тебе подвластны лишь сердца;

Ты видишь кровь с сыновнего лица? –
Что заковали в тот промозглый склеп,
И муку крестную, в которой креп,
И крылья за спиною мертвеца ...

Шильон! Ты каземат иль минарет? –
На твой порог как на алтарь взошёл
Тот, чья стопа впечатала свой след,
Как если б дёрном был булыжный пол, –
То Бонивар – ничем их не стереть! –
На них и чёрт не смеет кинуть взор.

КИТС

СОНЕТ – МОРЮ

Хранитель тайн седых шипит у ног
Брегов пустых, и, вздыбивши бока,
Глокает гроты тыщами, пока
Не сменит рев на прежний шепоток.
Но тот, кто кротость, зверя видеть мог
Докажет, что и ракушку слегка
Не сдвинет присмирившая рука,
Когда Небесный бриз отслужит срок.
О, вы! Что очи стерли до крови –
Врачуйте их громадами морей.
О, вы! Чей слух грубятиной сглушён
Иль закормлен под приторный елей,
Забудьтесь под волшебный шорох
волн,
Где нимфы вод лепечут о любви.

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК.

Сонет

Не умертвить вовек земных певцов;
Пусть птицы обезгласнут от жары,
В ветвях прохладных скрывшись до
поры,
Но льется песнь из скошенных лугов —

Кузнечик то, его стрекочет зов
В вальяжные и сонные миры,
Покуда, баловень своей игры,
Не свалится под сенью сорняков.

Поэзии земли вовек не сгинуть:
В безлюдный зимний вечер в тишине
За печкою раздастся вдруг резка

Мелодия, и, притулясь к камину,
Так дивно превратится в полусне
Кузнечик вольный в здешнего
сверчка.

ШЕЛЛИ

МУЗЫКА

I

Я нотой провидцев упыюсь захлеб –
В ней сердце изжаждалось свядшим
цветом:

Вино колдовское пусть в кровь забьет
Пьянящим потоком стального света.
Как сухой землей под благой струей
Целю я боль той святой водой.

II

Дайте ж мне окунуться в чарующий звон
Глубь за глубию – изведать власть,
Пусть воспрянет от змия удушливый
стон

Той души, что готова пасть:
Звонкою струной, свежее волной
Хлынет в сердце и разум мой.

III

Словно след от фиалки, поблекшей не в
срок,

Что растет на берегу серебристых вод,
Когда полдень иссушит из чашечки сок
И капель ее пыл не зальет,

Сгибнет сникший цветок, но его аромат
Крылья ветра над синью речной
сохранят.

IV

А тот, кто пьет с волшебных полей
Искристый, журчащий, пенящийся эль;
Кто, исполнившись мощью ведьм и фей,
Маним к любви в поцелуя хмель...

ТЕННИСОН

ПЕСНЯ ВЕТРОВ

Новорожденные ветра,
Едва дотронувшись волны,
Легчайшим бризом – ей с утра
Тихонько шепчут: «Мы вольны»...

Потом, носясь по высям гор,
Нещадно хлещут валуны,
И уж орут во весь опор
Окрепшим басом: «Мы вольны!»

САУТИ

МЭДОК

Ветр милостив... и бригантина мчит:
На ней знамёна вьются, и всех мачт
Не счесть... плывёт вперёд, и вокруг челна
Морская бьёт волна. Что душу жжёт
И грудь томит, когда матросы все
препоны утомившие пройдя
В родное лоно возвернутся! Тот
Застыл, в далёкий берег вперив взгляд,
И, предвкушая милые черты,
В неясный абрис горячо впился,
Высматривая отчий мыс иль пирс,
Пока глаза не заболят. Другой
К друзьям спешит и к хору птиц родных,
И господу в слезах благодарит:
А вот и третий – молится в тиши
Пречистой и святому своему,
Клянясь дарить и жертвовать, как
встарь,
Паломничать (коль не смертельно то).
Безмолвен, в думах, ото всех в дали
Сам Мэдок – благородный муж, храбрец,
Горд памятью чарующих надежд,
И страхом, и сомнениями полн.
Добры стихии, и зефир благой
Играет в вантах, и несётся барк,
В валы врезаясь... День идёт ко сну.

СТИВЕНСОН

РЕВИЕМ

Под звездным небом в тишине
В святой безбрежной вышине
Представьте право согнуть мне,
И буду счастлив я вдвойне
Желанною судьбой.

И пусть надгробие гласит:
«Где жил душою, там и спит,
Ведь каждый сердцем норовит –
Моряк на волнах метит скит,
Охотник – в лес густой».

КРИСТИНА РОССЕТТИ

НАВЕРХ

Так и будут к вершинам круты пути?
До самой вышины.
И все длинные дни нам к ним идти?
От Солнца до Луны.

Но хотя бы к ночи уснуть на час?
Виден краешек кровли в темноту.
А мгла не скроет его от глаз?
Не спрятать келью ту.

Я других паломников там найду?
Тех, что ушли вперёд.
Так стучать или звать, когда приду?
Не оставят за дверью того, кто ждет

А найду ль приют, слабый и больной?
В награду трудов и тревог.
И каждый отыщет сон и покой?
Все, кто устал от дорог.

ЭЛИЗАБЕТ БРАУНИНГ

ПРОЯВЛЕНИЕ

Молчанием иль голосом запретным
Я бьюсь за ту, что правдою горчит —
За песню, что в душе моей сличит
С мечтою явь, связав их сном заветным;
Сочувствуя всем мольбам безответным
В ней мощь октав таинственно молчит,
Но вскоре стройный хор их зазвучит
Над бездной ваших чувств во зле
несметном.

Борюсь, чтоб повесть духа провести
В храм сердца, всеобъемлющий и
гордый,
Саму себя вам в песне донести,
И, если глас небесный смолк в аккордах,
Рассеяв мглу, от смерти вас спасти,
Разрушив подлый страх всех душ
нетвердых.

МНЕ ВПРЕДЬ ПРОШЕДШЕГО НЕ ПОВТОРИТЬ...

«Мне впредь прошедшего не повторить», –
Однажды изрекла я, и домой
Заторопился прежний ангел мой,
Моля его на волю отпустить –
К престолу божьему, и обратить
К былому взор, где не был мне чужой
Хранитель – дух: внимал душе, больной
От бед, и благодатью мог целить;
И посох паладина снова цвёл,
Сухие листья наполнились росой,
Но мне не нужен тот, кто муз увел,
Забыв в страницах след их мук босой.
Мне новый ангел будущность прочел,
Блистающий невиданной красой.

УОЛТЕР ДЕ ЛА МАР

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

«Груша» – настаивал Тимоти,
«Гранат» – возражала Элен,
«И мне пирогу бы – хоть с брюквой, хоть
с клюквой», –
Подумав, сказала Джейн.

«Сорняк» – заключает Тимоти,
«Сирень!» – восклицает Элен,
«И мне бы вьюночек на скромный
веночек», –
Подумав, решает Джейн.

«Сокровищ» – потребует Тимоти,
«Серебряных крыльев» – Элен,
«Осла и двуколку с подстилкой
неколкой», –
Подумав, попросит Джейн.

ТОМАС ГАРДИ

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Я вся фамильный фас,
Глен тела безызъян,
Проект трудов и трасс,
Всевремен, безымян,
Что из Тогда в Сейчас
Безгибельем создан.

Наследую что есть:
И глас, и глаз, и прядь,
Плюю в скупую честь —
От жизни к жизни пядь —
Я — вечной вещи весть,
Смертям меня не смять.

ШАРЛОТТА БРОНТЕ

ЛЕДИ – СВОЕЙ ГИТАРЕ

Коснусь неведомой струны,
И ты заботы с сердца сбудешь;
Зачем напевом старины
Мой скорбный дух, гитара, будишь?

Как солнца луч, что жизнь принёс
В давно забытую долину,
Как грохот гроз и тени грез,
И в белом нимбе образ милый;

И как чистейших вод напор,
Хранящих облик нежной ивы,
Давно пошедших под топор
Волос дриады переливы,

Гитара, твой волшебный звон
Исторгнет плач, и вздох, и строки,
И древних ливней вечный стон –
Небес иссякшие потоки.

ВЕЧЕРНЕЕ УТЕШЕНИЕ

Людское сердце клад скрывает –
Надежды, помыслы, мечты –
На семь засовов запирает
От любопытной суеты.
Проходит день в беспечном смехе,
И ночь – в беспутном кураже,
Пока успехи и утехи
В былом не сгинут мираже;
Лишь время музыки единой,
Что льётся вечером в тиши,
Крылом касаясь лебединым
Всех лучших залежей души
Что в дебрях чахнувшего духа
Врачует раны прежних битв,
Тоску измученного слуха
Слезами счастья утолит.

И страсть, и пыл, и мощь, и воля
Наполнят грёзы прежних дней,
Смятенье чувств и ужас боли
Отступят в страхе перед ней.
И сердце, кровью обагрясь
От состраданья столько лет,
Лишь музыкой живёт, спасаясь
В её мелодии от бед.

Кормясь подчас лишь блеском лунным
В вечернем царствии теней
Под небом слабым и безумным
Скорбей бесчисленных темней —
Её порыв высок и властен
Во мраке опустевших зал,
И гимн священных дум, прекрасен,
Споёт всё то, что не сказал.

ОДЕН

«Останься», – советовал рыцарю робкий,
«В долине смертей не сносить головы,
Навозная куча послужит кушеткой,
Все лучше, чем трупом на ложе травы».

«Одумайся», фыркал на феникса филин,
«Ведь сумерки спрячут дорогу домой,
И подвига тщательность в подлюю
тщетность
Умело устелят злосчастной зимой».

«Опомнись», – хватался за храброго
хитрый,
«Смотри, как болезнь безобразит других,
И ты возвратишься позорно и прытко,
Недужный, ненужный, раздавлен и тих».

«В дорогу скорей!» – бросил робкому
рыцарь,
«Тебе не понять ...» – крикнул филину
феникс,
«Слепцом и помрешь» – молвил хитрому
храбрый,
И скрылись навеки, и скрылись навеки.

ЖИЗНЬ

«Жизнь – не мёд, ещё поймёшь», –
В Слове мудрых тайн тень.
Часто утром мелкий дождь
Предвещает ясный день:
Туча солнце заслонит,
Но и это ведь пройдёт,
Если дождь цветы взрастит,
Разве грустен их полёт? –
Быстро и весело
Мчатся славные деньки,
Солнечно, с песнями
Облетают лепестки.

Временами входит Смерть,
И зовёт нас в «лучший» мир,
И, казалось, ждёт побед
Над надеждой конвоир.
Но весной воскреснет вмиг
Непокорный счастья цвет,
Два крыла его золотых
Вырвут нас из лютых бед
Доблестью, храбростью
Все оковы разрубив,
Верю, радостью
Боль отчаянья разбив.

РЭЙ КИНГСБЕРИ И ПАТРИК О'ШИ

В воскресный полдень в середине лета
Прекрасно небо, солнышком согрето,
И пенье птиц лесных, и море света:

Свою работу вновь гоню к чертям –
Пусть сами жарятся в лучах, под
ливнем мокнут,
Толкаются в автобусах и по
очередям,

Читают в электричке, если смогут.

А я декабрьским утром на прогулке
Их взглядом провожу вдоль переулка,
И в сладкой дрёме проведу досуг;
В весенний дождик не покину дома,
Деля свой день и кров лишь с книжным
ТОМОМ

И вспоминая о тебе, мой друг.

И ты поддержишь все мои мечты,
Ведь ты – воскресный полдень, свет
декабрьской звезды,

Ведь ты – апрельский день и все

июньские цветы,

Ты это ты.

ВОРДСВОРТ

СОНЕТ

Я бросил стиль и вслушивался в ветер,
В чьём вое стоны чудились и SOS,
Поющий оборотень, он унёс
Привычный зуд мещан – и цепкий бред
Забот, хлопот, и вдруг умолкший смех,
Всё сон объял. Я ж мнил – стихии пыл,
Что без границ и меры я открыл,
Мне в слове мира принесёт успех.
Лишь редкий слух проникнет в эту жуть –
Надмирный шёпот вышних панихид;
Вдобавок указанье распознать
Знаменьё – вот что дикий стон таит,
Пока оно уныньем ссушит грудь
И соизволит шторм на штиль сменять.

КИПЛИНГ

ЕСЛИ...

Да, если ум ты сохранить сумеешь,
Когда гуляет дурь по головам,
И если в пику всем себе поверишь,
Монетой той же оплатив фомам,
И если, преспокойно выжидая,
Среди врунов уста для лжи замкнёшь,
Изгоем станешь, сердцем зла не зная,
Не всякому приятен и хорош;

И если подчинишь свои желанья,
Рабом мечты себя не поведёшь,
И, пережив триумфы и страданья,
Различий между ними не найдёшь,
И если вдруг твоим правдивым словом
Плуты расставят сети для глупцов,
Ты, сидя на развалинах былого,
Изношенный, отстроишь всё с основ;

И если в одночасье всем, что нажил,
Швырнув, на кон поставив, ты рискнёшь,
И прогоришь, и после о пропаже
Начав с нуля, ни разу не вздохнёшь,
И если чудом сердце, нервы, силы
Окажешься способен воскресить,
Когда идти вперёд невыносимо
И только воля не сдаётся: «Жить!»

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЛОНГФЕЛЛО

ГОЛОС МОРЯ

Раскроет очи в полуночный час,
И кружит по владениям своим,
И волны морщит, словно брови, мим,
А в натиске беснующихся масс
Выходит из безмолвной бездны глас,
Полифонически непостижим,
Как водопад, несущийся с вершин,
Иль рев ветров, срывающих каркас ...
Так входит тайное неожиданным днем,
И, недоступное для чуждых глаз,
Морским потоком хлыщет из души;
Но вдохновенье, что своим зовём,
Есть лишь обрывки выслушанных фраз,
Оброненных оракулом в тиши.

ПОЭТЫ

О мертвые, что живы и сейчас –
Пусть смертна плоть, неувядаем слог –
И вы, живьем вколоченные в гроб:
Забит гвоздями забвенья вещей глас,
Ужель, когда в жестокий жизни час
На перьях стыл багровой боли сок,
Чело венчал лишь терновый венок,
Печать призванья тяготила вас?
У тех, кто Слова пастырь и певец,
Пророчества блаженные черты –
Микстура для истерзанных сердец;
Не в рокоте столичной суеты,
И ни в восторгах черни, наконец, –
Лишь в вас крушенья ваши и мечты.

EXCELSIOR

Когда на землю ночь сойдёт,
Селом альпийским вновь пройдёт
Юнец, несущий в снег и град
Седых воззваний странный склад:
«За Солнцем вслед!»

Черно чело, в глазах – печаль
Блится словно в ножнах сталь
И будто рог, зовущий в бой,
Звучанье речи неземной:
«За Солнцем вслед!»

В счастливых окнах виден свет:
Здесь каждый сыт и обогрет,
Но где-то там – сиянье льда,
И тяжкий вздох летит туда,
«За Солнцем вслед!»

«Ведь пропадёшь!» – вскричал старик –
«Охвачен бурей мрачный пик,
Тебя собьёт ревущий шквал»,
Но звонкий голос отвечал:
«За Солнцем вслед!»

«Останься!» – дева позвала –
«Забудь тревоги и дела»,

Слеза размыла синь очей,
Но горький стон ответил ей:
«За Солнцем вслед!»

«Остерегись сухой сосны,
Лавины с горной крутизны», —
Крестьянин напоследок рёк,
Но всё, что он расслышать смог:
«За Солнцем вслед!»

Придя в рассвет на Сен-Бернар,
Он иноков в мольбе застал,
Твердивших истины стократ,
И вопль прорезал стройный ряд:
«За Солнцем вслед!»

Но мёртвого, что в скалы вмёрз,
Нашёл среди снега верный пёс —
Оцепенев, сжимала кисть
Никем не понятый девиз:
«За Солнцем вслед!»

В безвестьи хладном и немом
Прекрасен он, объятый сном,
И с непокорных вечных льдов
Несётся эхом звёздный зов:
«За Солнцем вслед!»

ЭДГАР ПО

ЭЛЬДОРАДО

Юнец слепой,
Гордец благой
Средь сумерек и смрада
Искать посмел
Иной удел –
Чудесный Эльдорадо...

Старик больной,
Храбрец седой,
Душа мечте не рада –
И пядь земли
Любой дали
Не схожа с Эльдорадо...

Пред смертью вдруг
Узрел он дух
Ненайденного града,
И молвил: «Тень,
Сыщи мне сень
Родного Эльдорадо»...

«Поверх вершин,
За даль долин
За гробовой оградой

Смелей ступай,
Коль любишь край
Священный Эльдorado»...

ЭМИЛИ ДИКИНСОН

Душа отыщет свой мир,
А после захлопнет дверь —
На ее званый пир
Не попасть теперь:

Глуха — к шарканью колесниц,
Обивающих ее пороги,
Слепа — к королям, простёртым ниц
На её дороге.

Из всей обильной народности
Ею будет избран один,
Для других верх благосклонности —
Холод льдин.

ВЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЯНОШ ВАЙДА

КОМЕТА

Блестает в небесах она, и шлейфом
Искрится высь от жгучего хвоста,
Недаром прозвана «гигантским» эльфом —
Ей не вернуться в здешние места:

Чрез тернии в космические чащи,
Тягаясь с бесконечностью, кружит,
Несчастлива в скитаниях все чаще,
Обречена блуждать как Вечный Жид.

Те молятся во тьме звезде двуличной,
У этих флирт с кокеткою Луной,
Лишь Ниобея в траурном величьи —
Священный светоч скорби неземной;

Печальный лик луча в оковах льдистых,
Застывший пламень цвета рваных ран,
Куда ни глянь среди галактик мгlistых,
Нигде твоей душе приют не дан.

ИРЛАНДСКАЯ ПОЭЗИЯ

ТОМАС МУР

ИРЛАНДСКИЕ МЕЛОДИИ

11.

Пусть сиянье струится над ликом воды,
Но в глубинах морских только сумрак и
льды;

Пусть улыбки теплы и на скулах багрец
Но темны и холодны руины сердец.

Лишь бывшего кошмар в отголосках
скорбей

Сплёл из счастья и бед сети бледных
теней;

Не пробиться ни ночи ни дню сквозь
гранит,

И улады не тешат, и боль не страшит.

Так средь радости горечь стоит предо
мною —

Облетевшая ветка в полуденный зной —
Тщетно солнце играет в увядших цветах,
Зря улыбки сияют на мертвых устах.

Не на банкет в мишурных будуарах
К резвящимся юнцам – иди ко мне,
В моих садах среди цветов усталых
Года и грусть уместятся вполне:
Мы здесь устроим празднество рыданий,
Молчание по кубкам разольём
На встрече с драгоценными тенями,
Ушедшими безмолвным чередом.

Пока усохнут миртовые ветви –
Дарители безжизненной листвы –
Мы вспомним сокрушенные обеты
Друзей былых, что так давно мертвы;
Пусть одиноко вьётся лавр унылый,
В края скорбей не долетает весть,
Мы пьем у той заброшенной могилы,
Где позабытая почилa честь.

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ

ФРИДРИХ ГЕББЕЛЬ

ПРОЗРЕНИЕ

В урочный миг в бездонной глуби
Его предтечей Скорбь грядет,
Вселенский Дух души пригубит,
В слепое сердце снизойдёт;

И, переполнив меру жизни,
Вобрав все краски бытия,
Себя же в душной клетки выжмет,
В оковы смертного войдя;

В глазницах рваных и кроващих
Вкропит неведомого свет,
И нимб святой во тьме обрящет,
Кто ждал во мраке столько лет;

Кто столько жаждал, чтоб упиться
Ни каплей жалкой и скупой, —
С бессмертным океаном влиться
В бескрайний кубок мировой.

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

ХИМЕНЕС

ОБЛАКА

На небосводе снегопады схожи
С луною, от весны с ума сошедшей,
Едва ль я вспомню зимний луг, нашедши
Его достойным облачной рогожи;

И в миг от сна до пробужденья дрожи
Ко мне, непосвящённому, пришедши
Вы стали манной, душу с грёзой сведшей —
Исчезли вы, и я рыдал на ложе.

Без вас в оцепенении бессонном
Надеждами святыми я наполнен,
Но черен мне как прежде белый день.

И лишь тогда вернусь я к жизни снова,
Когда проникнет в темноту алькова
Миндальный цвет, прогнав унынья тень.

ЧЕШСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЯН ПИЛАРЖ

Теперь я боль свою скрывать умею,
Давно швырнул обиды за порог —
Они как псы бездомные глазеют
В ночи в окно на дальний огонёк;

Их очи мёртвые палят и жарят,
Псы воют злобно и скребутся в дверь,
И в час, когда все звезды отсверкают,
Они найдут в закрытом сердце щель.

Опять гадюка мне очередная
Вливает в вены яд по капле свой,
Я вопль немой с берёзой разделяю,
Что ранена зазубриной стальной:

Заразу кровушкой своей промою,
Но сколько ж крови на неё уйдёт,
И буду пса с запоротой спиною
Глазами гладить сквозь окон пролёт.

P. S.

ДАВИД

Я – монах, и поступью неслышной
Не тревожу суетливый мир,
Хорошо мне под небесной крышей
Знать, что ты – единственный кумир

Тащат грешники возы пороков,
Веселятся, жгут костры страстей,
Мне ж милей речения пророков
И псалтирь, полна благих вестей.

Я – арфист, и песней сладкозвучной
Должен сердце царское смягчить,
Чтоб гневливый дух его не мучил,
Чтоб людское бремя облегчить.

Я – воитель, пастырь и правитель,
Берегущий агнцев и людей,
Сеятель, родитель и строитель,
И защитник старцев и детей.

Кем ещё я стать сегодня должен? –
Подскажи мне, что всего важней:
Великана побороть, мой Боже,
Иль творить молитву всех нужней ...

ИЗ ЦИКЛА «МУЗЕЙ»

И как бы ни была чужда душе моей
вражда,
Зверье не станет жить, как я хотел.

С тех пор приводит в ужас всех
свирепый облик мой,
И стать и гривы солнечный венец,
И сталь когтей кинжальных в ножнах
лапы золотой,
И гневный рык – гроза пустых сердец.

Но мирного ягнёнка никогда не обижал,
И на съеденье не отдал зверью,
Я в ярости их драл и гнал, и мерзкий
сброд бежал,
Увидев душу львиную мою.

Теперь с ягнёночком своим – он вместо
сына мне –
Мы правим в царстве сказочных песков,
Зверье исправно платит дань, – и платит
уж вдвойне,
Страшась сыновьей кротости и папиных
клыков.

ТАНЦОВЩИЦА НА КАНАТЕ

Девочка настойчиво рисует:
Карандашик линию ведёт –
Маленькая храбрая плясунья
По канатной проволоке идёт,

А вокруг неё летают птицы,
Солнце ей глядит тревожно вслед...
Ей уже нельзя остановиться,
И назад пути, как видно, нет.

В окнах кверху задранные лица
Сверлят взглядом хрупкий силуэт,
Им бы за артистку помолиться,
А они гадают – да иль нет,

Суждено пройти или разбиться –
Делайте же ставки, господа!..
И в рассветном золоте лучится
Юная и смелая звезда.

Проволока привязана к вершине,
Над которой только облака,
Но в душе плясуньи нет гордыни –
Не глядит на ближних свысока.

Просто должен небеса с землёю
Кто-нибудь связать собою вновь,
И канат растянутой змеёю
Стопы ей растерзывает в кровь.

А она с изяществом безумиц,
Навсегда презревших страх и смерть,
Вскользь поглядывая в пропасть улиц
Попирает облачную твердь;

Благовестьем ласточки весною,
Дерзкой верой в дивную мечту,
Никому не ведомой ценою
Дарит всем седую высоту.

Не берёте? – что же, дело ваше,
Больше неба будет для других,
И она не зря над миром пляшет
Со скакалкой из цветов живых.

Каждому своё дано на свете –
Ей вот с птичьей песней по пути,
И, в лицо заглядывая смерти,
По судьбе как по небу пройти.

ДЕМОН ВРУБЕЛЯ

*Имена, которые даны вещам земным,
Заклучают великое заблуждение...*

(Апокрифы; Евангелие от Филиппа)

На челе твоём печать порока,
На груди – цветы взошедшей ночи,
Страж луны в кручине одинокой
Зрел твои лазоревые очи.

Пересыпал брызгами кристалла
Образ твой творец рукой безумной,
Чтобы плоть мерцала и блистала
Под покровом грусти многодумной.

Чернь кудрей – агатовые блики,
Торс – струя нездешнего сапфира,
Мглою напетый лик твой полудиккий
Ловит на себе проклятья клира.

Сон окутал смальтовые плечи,
И звенит душа струной латунной,
Исходя в безвестное далече
Синею тоскою полнолунной...

На челе твоём печать порока:
Заклеймённый в ночь толпой небрежной
Вновь глядишь в печали темноокой,
Вновь мне чудится, что ты – безгрешный.

**ИЗ ЦИКЛА «КОМЕДИЯ
ДЕЛЬ АРТЕ»**

АРЛЕКИН

Меня создали хмурым серым днём –
Смеющегося яркого ребёнка,
И в пёстром одеянии моём
Все радуги, смешавшись, пели звонко.

Я точно в прошлой жизни был Пьеро
И прятал боль в поникшие ресницы;
Предание и скучно и старо –
Давно я был прекрасной белой птицей.

Когда меня снедали скорбь и грусть,
Мне в грудь швырял вертеп вонючий
камни.

Теперь я – Арлекин, и сам берусь
Вас наградить пинками и плевками:

Довольно вам смиренных распинать, –
Святого засмеять до смерти просто,
И грязью, и шипами устилать
Дороги от подмосток до погоста.

Теперь прищур заменит ясный взгляд,
Насмешка – сострадания текстуру,
И едких шуточек горячий яд
Вы примете как горькую микстуру.

Вольно вам честь и совесть осмеять,
А мне вольно куражиться над вами;
Вы все – Пьеро отныне для меня,
Мальчонки для битья под колпаками.

ПЬЕРО

Когда под вечер в балаган
Толпой стекается народ,
Пьеро, привычный к тумакам,
Там песни жалобно поёт:
«Зачем смешна вам боль моя,
Зачем так жаждут взор и слух
Увидеть, как рыдаю я,
Услышать звон моих оплеух?..»

Эх, бедный Пьеро,
Кому какое дело –
Скриви бледный рот,
Толпа повеселела;
Эх, белый Пьеро,
Ты сам виновен в целом –
Средь стаи ворон
Светиться так не дело.

«Какой прилежный трубадур» –
Все потешается народ –
«Он хвалит нам прелестных дур,
А сам-то рогачом сльвёт».
«Зачем бренчишь ты про любовь,
Раскрой глаза скорей, чудак –
Гляди-ка, Арлекино вновь
Повёл жену в кабак».

Ах, белый Пьеро,
Душа белее мела,
Печальный герой
Из сказки престарелой.
Ах, бедный Пьеро,
Им подавай Отелло,
Чтоб с твердой рукой,
Чтоб дух чернее тела...

За то, что был ты слишком бел
Одеждой, сердцем и лицом.
Господь терпел и нам велел –
Ведь не поспоришь же с творцом.
Смотри смелей в набитый зал,
Утри носы ты дуракам –
Сам бог оплеухи получал,
Да по обеим-то щекам.

Мой белый Пьеро,
Душа белее мела,
Пусть слезы и кровь
На крыльях снежно-белых.
Мой бедный Пьеро,
Гляди повеселее,
И тысяч корон
Мне твой колпак милее.

МАСКИ

Не принимай от жизни скудные початки,
Пускай душа змеиной кожей сползет, —
Переступи, меняя судьбы как перчатки,
И в маскарад, пока двенадцать не
пробьёт.

Строптивца счастье не упрятать за
личиной,

А боль уляжется умело и хитро,
И зарыдает за портьерой Арлекино,
И уж конечно от пинков не весело
Пьеро.

Маски, маски, маски,
Я не лишу вас своего благословенья.
Маски, маски, маски,
Я доиграю вашу проклятую роль.
Маски, маски, маски,
Пусть для кого-то вы лишь символ
лицемерья,

И вовсе не прекрасен расколдованный
король.

За чай хоть к чёрту табакерочному в
гости,

А там — куда бы, но куда б не занесло,
Везде в награду лишь обглоданные
кости,

ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИК

Помню прежнюю печаль:
В цирке акробат упал
Навзничь, и разбился насмерть,
И в испуге ахнул зал.
Было это так давно –
В старом детском том кино
Он сорвался белой пгицей,
Взрыв на миг под купол, но...

Зал опять ждёт,
Смотрит недоверчиво:
«Повтори полёт,
Мальчик гуттаперчевый!»
Может, зал поймет,
Как до неба далеко,
Если разобьёт
Белое трико.

Гуттаперча – не хрусталь,
И её почти не жаль:
«Надо было осторожней», –
Кто-то злобно прошептал...
Старую листву афиш
Ветер гонит с серых крыш,
Ты на землю без страховки
Белым ангелом летишь.

Зал тебя жжёт
Взглядом недоверчивым,
Отмени полёт,
Мальчик гуттаперчевый;
Зал ведь не поймёт –
Небо слишком высоко,
Просто разобьёт
Белое трико.

Не позволено играть
Теми, кто рождён летать:
Шест непрочный знает точно –
В небо взмоешь ты опять.
В цирке темень и жара,
Не спасли прожектора;
От слепой и душной ночи
До далёкого утра

Зал всегда ждёт
Ропщет недоверчиво,
Короток полёт,
Мальчик гуттаперчевый;
Не забыть о том,
Как бесстрашно и легко
Режет ночь лучом
Белое трико.

SACRA FAMES (СВЯЩЕННЫЙ ГОЛОД)

Когда под сенью ночи в город
Проникнет свет иных миров,
В душе взметнется лютый голод —
Дитя непознанных ветров.

Все тот же вечный, неотвязный,
Укажет на пустой бульвар,
И одарит мечтой неясной
В бетон закованный кошмар.

Там, скрытых таинств междометья,
Чернеют здания в ночи;
Там убаюканы столетья,
В красе асфальтовой почив.
Так нереальна строгость линий,
И все предчувствием томит,
Что вдруг негаданное ныне
Чрез миг мне облик свой явит.

Из недр неведомых идущий
Тот зов немой как смутный крик —
Судьбы минувшей иль грядущей,
Судьбы моей незримый лик.

И нет земного оправданья
Моей невысказанной мечте...
Грядёт чудесное свиданье
Наперекор мирской тщете.

ВАЛЬКИРИЯ

Ни в царство Аида, ни в город теней,
Ни в вечности бездну, ни в Лету
Душа воспарит фейерверка светлей,
Навек нагулявшись по свету.

И русые скальды струной зазвелят,
За всё воздавая восхвалы,
И ярлы почтенно главы преклонят
У мрачных чертогов Вальхаллы.

Врата отворяю в мятежный дворец,
Чтоб в споре со смертью унылой.
Рождённой для сбора бунтарских сердец
Валькирией быть златокрылой.

Не тем, что продались за силу меча,
За кровью краплёное злато,
Что храбростью мнят ремесло палача
В мертвеющем блеске булата;

Иные воители ждуть у крыльца,
Иные им битвы знакомы,
Но чужд и безмолвен к ним холод
дворца —
Далёкого мёртвого дома;

И скопище верных и пылких душой
Умчится в мерцающем дыме,
И Один зловещий свой замок пустой
Поспешно затворит за ними.

РЫЦАРЬ ЗАБЫТЫХ ДОРОГ

Ты счастье вёрстами мерил,
И грёз своих берег
Годами искать ты мог.
Ты звёздам на слово верил,
И наскоро с двери
Срывал всякий раз замок,
Когда призывною песней
Трубил тебе рог –
Голос забытых дорог, голос дальних
дорог.

Брёл пилигримом в пустыне,
И в мнимой святыне
Отраду мечтал найти;
Но только к пыльным руинам
Вели паладина
Итоги его пути.
С тех пор ты гонишь из сердца,
Серьёзен и строг,
Песни забытых дорог, песни дальних
дорог.

И не летят каравеллы навстречу
ветрам,
И копят жир домоседы впрок,
И не спешат караваны к заветным мирам,
Страшась не вернуться в срок

С обочин дальних дорог.
А помнишь раньше, бывало,
С открытым забралом
Встречал ты грозу и шторм,
И не робел за штурвалом,
И мрази не мало
Акулам спустил на корм.
А ныне весь ты во власти
Забот и тревог,
Рыцарь забытых дорог, рыцарь дальних
дорог.

Манит звенящая радость дороги,
Зарёй горит на земных рубежах,
И пусть дойти суждено лишь немногим,
Отбрось скорее сомненья и страх –
Впусти опять на порог
Солнце забытых дорог.

ПОЭТ – КЛЕВЕТНИКУ

*Да сварят языки клеветников.
(Франсуа Вийон)*

Моих сокровищ мерзкий похититель,
Ты цену злодеянию не знал,
Когда сжигал души моей обитель,
На что себя бездумно обрекал;

Что будешь ползать, словно пёс безродный,
Ища в скитаньях тщетных мой порог,
Проходим для плевков подставив морду,
Лизать за харч замызганный сапог.

Ты крал мои заслуги и победы,
Терзая слух гнуснейшим шепотком,
Ты крови чистой и живой отведал,
Не зная, чем поплатишься потом.

Не смог ополоумевшей молвою
Не поразить меня, не изменить;
Не знал, что на обломках храм отстрою,
И буду в нём ещё прекрасней жить;

Что, битый жизнью до изнеможенья,
К подножью приплетёшься моему
Вымаливать прощенья, вспоможенья,
И всё вернёшь – да мне-то ни к чему.

СВЕЧА

*В окно врывался ветер, но пламя свечи
не шевелилось, не гасло, лишь быстро
таяла эта свеча...*

(А.Грин «Дорога никуда»)

Жила свеча, пылала жарко,
Светила щедро всем в ночи,
И было вовсе ей не жалко,
Что станет крохотным огарком,
Когда раздарит все лучи.

И плакались свече в жилетку,
И пламя брали в долг у ней –
Была полезною соседкой,
Была отзывчивой наседкой
Родоначалъница огней.

Но не минули ветры злые,
И исхлестали душу в кровь
Измен потоки огневые,
Обиды желчные слепые
За всю дарёную любовь.

И глупый ветер похвалялся,
Что та свеча им сломлена,
Но зря лукавый бесновался –
Свеча не падала, не гасла,
Лишь быстро таяла она.

И тихо в слезы восковые
Ушла тоскуя и любя,
И три жемчужины большие –
Лучи горячие живые –
Оставила нам от себя.

* * *

Сердце моё в бокале, и я оттуда напиюсь...
(Мигель Эрнандес)

Когда озябнет сердце рьяное,
Тоской измучась окаянною,
За песнею лихой и пьяною
Оно потянется вослед.
Где меж ножами и стаканами
Такая горькая и странная
Душа томится ресторанная,
Где льются музыка и свет.

Забьёт шампанское фонтанами,
Дыша угаром и туманами
Душа уйдёт в загул с цыганами,
Тоску на время рюмке сбыв;
И грянет песней беспечальнойю,
Что к ночи станет погребальнойю,
И заскрипит педаль рояльная,
До срока оборвав мотив.

Вино забродит адской манною,
И меж кокотками жеманными
Любовь за дымкою обманною
Мелькнёт и сгинет в никуда.
Какими б ты ни бредил странами,
Везде вела тебя желанная,
Когда ж она в бокал твой канула,

Святая вечная звезда.
В мерцаньи и круженьи зал,
И бесконечно длится бал,
А кто здесь праздник не искал?

В блеске зеркал
Столько горящих глаз,
Млел и сверкал,
Но пуст твой бокал сейчас,
Лишь что-то плещется на дне —
Наверно, истина в вине...

КЛАУСТРОФОБИЯ

Дом узок стал и мал
Как тесные одежды,
Дом сердце заковал
Стальными обручами;
Он сам давно устал
Быть камнем и железом,
И плачет мне в плечо
Бессонными ночами.

А сердце бьётся под бетоном –
Живое сердце земли,
А сердце рвётся из бутонов
Цветов, что в нём проросли;
Мой бранный дом, мой дымный город,
Мне жаль всё больше тебя,
Скорее утоли мой голод –
Верни ключи к полям.

Там, за семью замками,
Озёра и моря,
Открой тугие ставни,
Отдай ключи к полям;
Быть может, завтра снова
Вернусь в твой душный плен,
А лучше, право слово,
Уйду – и насовсем.

* * *

*... ваше сердце – застойное болото,
никогда не видевшее солнца.*

(Джон Голсуорси)

Зачем вы погубили Солнце,
Чтоб впредь так ярко не светило?—
Сменяли свет на блеск червонца,
Сожгли мятежное ярило.

Глумились вы в предсмертной травле
Над тем, что вам тепло дарило,
Над тем, чьи руки так ослабли,
Неся священное кадило.

А ведь как только б захотело,
Оно бы всё кругом спалило,
Но Солнце палачей жалело
И смирно руки опустило.

Прошло злорадство скорой казни
И потемнели ваши лица —
Огни последние погасли,
Досель светившие убийцам.

С тех пор жестоки несказанно
К вам были голод и кручины,
И вечных мытарств беспрестанно
С тех дней искали вы причины.

И все века впотьмах блуждали,
Ища ответ как свет в оконце,
А он давно уж на скрижали:
«Слепым сердцам не видеть Солнца».

ПТИЦА

Спой, птица, спой! Ненастной порою
Столько вокруг бед и обид,
Песня зари сердца успокоит и исцелит.
А когда ты полетишь в родное гнездо,
Пусть ветер не будет злым,
Не ранит белые крылья,
Пусть стрелы метких убийц
Тебя не найдут в вышине;
И, если в долгую ночь
Ты упадёшь от бессилья,
То лишь на божью ладонь –
Птица, спой мне!

Спой, птица, спой! Я знаю, непросто
Целую жизнь петь и парить,
В песне зари цветы и звёзды миру
дарить.

А когда ты полетишь в родное гнездо,
Пусть будет вдоволь зерна
Из рук и тёплых и щедрых,
Пусть камень, брошенный вслед,
Расплавит солнце в огне;
Пусть сплетни птичьих дворов
Листвой засохшею с веток
Падут к нашим стопам,
Птица, спой мне!

СВОБОДА

*Не молчи: несравненное право –
Самому выбирать свою смерть.
(Н. Гумилёв)*

В скольких снах мы искали Свободы,
Измождённые дети Земли,
Как молили небесные своды
И за звёздными мифами шли.

В мираже ускользнувшей святыни
Погребённые в вечной пыли,
Мерить вёрсты бесплодной пустыни
Мы устать никогда не могли.

Раздвигая железные прутья,
Разгрызая нетленный гранит,
Ждали – как, на каком перепутьи
Свет желанной звезды озарит.

Истрепав золотые хоругви
И стоптав мириады сапог
Мы искали свободы друг в друге,
В свисте ветра полночных дорог.

Мы узнали за многие годы,
Через долгих веков круговерть:
Даже в худшей из бед есть свобода –
Самому выбирать свою смерть

А. ГРИНУ

В морях Несбывшегося тонут корабли,
Заветных мыслей ослепительные шхуны –
Им не достигнуть Обетованной земли,
Крушат борта о рифы злобные буруны,

Но снова гонит их солёный бриз мечты
В страны желаний неизведанные кущи,
Чтобы узреть средь безучастной пустоты
Спасенья призрак, по волнам седым
бегущий.

Чтоб золотую цепь сорвать, взлететь опять
В тот мир блистающий, где тихо Друд
смеётся,
Где алый парус повернуть не может вспять,
Где морю зла убить мечту не удаётся.

ПАСТУШЬЯ ПЕСЕНКА

Как Бог пасёт небесные стада,
Как в ручьях светла вода,
О том лишь песня скажет без труда
Как всегда. Как всегда
Поёт рожок который век:
«Настанет срок – растает снег...»
И песни этой лучше нет,
В мире – нет.

Как луговой цветок она проста,
Как кристалл росы чиста,
В ней сладок вереск и тиха печаль,
И зовёт нежно даль:
«Не знаю я, в каких краях
Ты ждёшь меня, судьба моя –
Ступай скорей за песней вслед,
Ведь её лучше нет».

Пусть мчится дней крылатых череда
Никуда, без следа;
Но блещет вечно юная звезда
Для тебя навсегда.
Лучей её прекрасен свет,
И обойди хоть целый свет,
Но песни этой лучше нет,
В мире – нет ...

Содержание

ИЗ ЦИКЛА «НОВАЯ ТВЕРДЫНЯ»

Рондо	6
Рондель	7
Сонет	8
«Музей»	9
Сурок	10
Астроном	11
Лютинистка	12

ИЗ ЦИКЛА «МОЁ СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ»

Клоп	14
Моська	15

ИЗ ЦИКЛА «ДОЛИНА ЦАРИЦ»

Клеопатра	17
Баллада	18
Пастораль	20
Бравый цветок	21
Маскарад	22

«Поэт – Родине»	24
Бард	26
Старая сказка	27
Создатель кукол	30
Садовник	31
Терцина	32

ИЗ ЦИКЛА «ЦВЕТА»

I Белый	35
II Жёлтый	36
III Оранжевый	37
IV Розовый	38
V Красный	39
VI Сиреневый	40
VII Зелёный	41
VIII Цвет морской волны	42
IX Голубой	43
X Синый	44
XI Фиолетовый	45
XII Коричневый	46
XIII Серый	47
XIV Чёрный	48
XV Калейдоскоп	49
Гулливер и лилипуты	50
Ут – Рёст	52

Дон Кихот века спустя	53
Хлебный колос	55
Ночь	56
Портрет доктора Гаше	58

ИЗ ЦИКЛА

«ЛЬВИНЫЕ ПЕСНИ»

Львиный город	61
Лев и море	62
Английский сонет	64
Зима	65
Вальс	66
Воскресение	67

ПЕРЕВОДЫ

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

ШЕКСПИР

Сонет LXXVII	69
--------------------	----

БАЙРОН

Душа черна	70
Из дневника в Кефалонии	71
«Мечты разбились...»	72
Память	73
Сонет Шильону	74

КИТС

Сонет – морю	75
Кузнечик и сверчок.	76

ШЕЛЛИ

Музыка	77
Озимандия	79

ТЕННИСОН

Песня ветров	80
--------------------	----

САУТИ

Мэдок	81
-------------	----

СТИВЕНСОН

Ревием	82
--------------	----

КРИСТИНА РОССЕТТИ

Наверх	83
--------------	----

ЭЛИЗАБЕТ БРАУНИНГ

Проявление	84
Мне впредь прошедшего не повторить... ..	85

УОЛТЕР ДЕ ЛА МАР

Три желания	86
-------------------	----

ТОМАС ГАРДИ

Наследственность	87
------------------------	----

ШАРЛОТТА БРОНТЕ

Леди – своей гитаре	88
Вечернее утешение	89
Оден	91
Жизнь	92

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Босоногий монах	93
Рэй Кингсбери и Патрик О`Ши	95

ВОРДСВОРТ

Сонет	96
-------------	----

КИПЛИНГ

Если... ..	97
------------	----

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЛОНГФЕЛЛО

Голос моря	99
Поэты	100
EXCELSIOR	101

ЭДГАР ПО

Эльдорадо	103
Эмили Дикинсон	105

ВЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЯНОШ ВАЙДА

Комета	106
--------------	-----

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ
УГО ФОСКОЛО

Автопортрет 107

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

Бесконечность 108

ИРЛАНДСКАЯ ПОЭЗИЯ
ТОМАС МУР

Ирландские мелодии 109

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ
ФРИДРИХ ГЕББЕЛЬ

Прозрение 111

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ
ХИМЕНЕС

Облака 112

* * * 113

ЧЕШСКАЯ ПОЭЗИЯ
ЯН ПИЛАРЖ

Давид 115

**ИЗ ЦИКЛА
«МУЗЕЙ»
ДЕТСКИЙ ЗАЛ**

Лев и ягненок	117
Танцовщица на канате	119
Демон Врубеля	121

**ИЗ ЦИКЛА «КОМЕДИЯ
ДЕЛЬ АРТЕ»**

Арлекин	123
Пьеро	125
Маски	127
Гуттаперчевый мальчик	130
Дрозд и червь	132
Sacra fames (священный голод)	133
Валькирия	135
Рыцарь забытых дорог	137
Поэт – клеветнику	139
Свеча	141
* * *	143
Клаустрофобия	145
* * *	146
Птица	148
Свобода	149

А. Грину	150
Пастушья песенка	151

МНЕ ВПРЕДЬ ПРОШЕДШЕГО НЕ ПОВТОРИТЬ...

«Мне впредь прошедшего не повторить», –
Однажды изрекла я, и домой
Заторопился прежний ангел мой,
Моля его на волю отпустить –
К престолу божьему, и обратить
К былому взор, где не был мне чужой
Хранитель – дух: внимал душе, больной
От бед, и благодатью мог целить;
И посох паладина снова цвёл,
Сухие листья наполнились росой,
Но мне не нужен тот, кто муз увел,
Забыв в страницах след их мук босой.
Мне новый ангел будущность прочел,
Блещающий невиданной красой.

Ирина Узденова
Соловьиное сердце
СТИХИ

Генеральный директор издательства –
Леонид ЛУКАШЕВИЧ

Главный редактор –
Александр ИВАНЕНКО

Компьютерная вёрстка – В. Дербенёв

*Северо-Кавказское издательство «МИП», зарегистрировано
Министерством печати и информации РФ 26 апреля 1996 г.
Лицензия № 064550.*

*Пятигорск, ул. Крайнего, 2а; тел. 66-7-66,
Кисловодск, ул. Тельмана, 29; тел. 5-78-76*

*Сдано в набор 15.08.2002 г., подписано в печать 24.09.2002 г.,
формат 60x90 1/32 Гарнитура Гарамонд. Печать офсетная.
Бумага книжно-журнальная. Усл. печ. л. 8,5. Тираж экз.
Заказ № 692.*